

Жизнь художника Николая Прилепкина приближалась к сорокалетию, и едва ли ее можно было назвать удачной. В выставках не участвовал, шедевров не написал, и даже на Арбате его мрачные сюрреалистические полотна продавались из рук вон плохо. Хотя дипломную работу выпускника художественного училища некогда отметили и преподаватели, и маститые живописцы. Было в ней не только что-то исконно русское – коринско-васильевское, – но и свое – прилепкинское, модерновое. Авангард есть признак общественной и личностной усталости, но когда он накладывается на традиционную школу, получается неплохо. Так во всяком случае говорили стоящие возле картины старшие коллеги.

Однако, почувствовав вкус свободы, Коля пустился во все тяжкие, отдав предпочтение вечному спутнику художников – зеленому змию. Недельные попойки в мастерских собратьев по кисти, хмурые похмельные рассветы, дрожащие руки – все это не способствовало творческому росту и, естественно, материальному благополучию.

Нельзя сказать, что такая жизнь Николаю нравилась, но он в нее втянулся и, что уж тут поделаешь, привык. Свободу, а если точнее, свободу пить, он любил больше денег. Картины писать перестал, неоднократно устраивался работать художником-оформителем, но вскоре увольнялся все по той же причине пьянства окаянного. Его небрежная и искренняя незаинтересованность в успехе поражала не только начальство, но и коллег по ремеслу.

Следует отметить, что в искусстве Коля разбирался очень даже неплохо, особенно в иконописи. Завсегдатаи и посетители Арбата советовались с Колей, чтобы определить возраст той или иной «доски» и школу письма. За определенную плату – как правило, в алкогольном эквиваленте – он давал аргументированное резюме той или иной иконе. Не-

однократно Коля делал списки с икон и продавал их по неплохой цене. В его замызганной однушке висело несколько подлинных «досок», но художественной ценности они не представляли. Хозяин уж и не помнил, как эти иконы к нему попали. То ли подарили, то ли по пьяни на что-то выменял.

Так Николай и жил: не много у него было, и все на виду.

Однажды в квартире у художника засиделся незнакомый парень. Ничего, в принципе, удивительного – немало тут пришлых за бутылкой-другой задерживалось. Если бы не одно но: незнакомец несколько раз останавливал взгляд на иконах. Коля это заметил.

– Че, понравились? – он длинно посмотрел на гостя.

– У меня такого добра хватает, – пришлый неопределенно дернул плечом. – От бабки в наследство достались. Я бы их продал, да отец не велит.

– Так твои иконы или отца? – Николай разлил остатки водки по стаканам. – Зовут-то тебя как?

– Лешкой кличут, – проигнорировав первый вопрос, ответил гость. – Ну давай, – он поднял графин.

Брякнули стаканы.

– Только они темные какие-то, и на них почти ничего не разобрать, – сказал Алексей, разыскивая на столе закуску. – Я собирался отдать их местному художнику, чтобы тот их подновил, но только у икон дерево трухлявое. Побоялся, что развалится.

Николай на мгновение замер. Опьянение растворялось и таяло, уступая место чему-то совершенно важному, новому и необъяснимому. Бешено заколотилось сердце. «Доскам, поди, лет двести, не меньше! Может, в этот раз мне наконец-то повезет».

– А еще, – гость заелозил на стуле, – медная икона есть. Из трех частей состоит, – Лешка ладо-

нями показал, как святыня складывается. — Правда, зеленая уже от старости. Может, ее кислотой протереть?

«Складень!» — понял Коля, окончательно протрезвев.

— Не вздумай! — рявкнул он. — Испортишь...

Алексей пошарил глазами по столу, приподнял за горлышко пустую бутылку и водрузил ее на место.

— Синька-то кончилась, — он непритворно вздохнул и поднялся. Осмотрелся по сторонам, разыскивая взглядом кепку.

— Сейчас я принесу! Сейчас! — Николай почти силой усадил гостя на стул. Разыскивая деньги, пошарил по карманам. Метнулся к двери. — Сейчас я, сейчас...

* * *

Рейсовый автобус, недовольно урча, мчал по шоссе. Коля, шурясь от яркого декабрьского солнца, смотрел в окно. «Не прозевать бы развилку, где надо выходить», — подумал он. Повернулся к посапывающему рядом Алексею. Бледное рыхлое лицо, удлинённые прямые засаленные волосы, приоткрытый рот, подрагивающие во сне веки — все это не располагало к симпатии, и Николай, вздохнув, отвел глаза. Мелькнул дорожный указатель. Художник толкнул попутчика в бок.

— Скоро?

— А? — Алексей, вздрогнув, глянул в окно. — Скоро. Надо пробираться к выходу.

Они спустились по извилистой тропинке, ведущей в сторону темнеющих деревьев. За рощицей, в низине, показался хуторок. Утопая в зарослях каких-то кустов, стояло несколько хаток с подслеповатыми окнами. Алексей подвел гостя к одной из них. Долго возился с замком. Нехотя отворилась скрипучая дощатая дверь. В нос ударил запах мышей, высохших трав и, как показалось Николаю, ладана. В комнате было темно, и лишь пробивающийся сквозь закрытые окна солнечный лучик бодро шарил по стенам.

— Господи, как в позапрошлом веке! — бросил в темноту Коля, озираясь по сторонам.

— Пойду, ставни открою, — буркнул Лешка.

Мрачное помещение словно нехотя наполня-

лось светом. Покрытая толстым слоем пыли посуда в покосившемся шкафу, невнятного цвета занавески на мутных окнах, темные чашки на круглом, стоящем посредине комнаты столе отнюдь не украшали и без того убогое жилище.

— Показывай, — художник устало опустился на недовольно скрипнувший стул.

Алексей, шаркая подошвами, проковылял в угол комнаты. Отдернул цветастую занавеску, за которой стоял обклеенный картинками холодильник. Плечом сдвинул его в сторону и, нагнувшись, открыл люк в подвал. По-стариковски кряхтя, опустился в подпол. Чем-то долго гремел, сопровождая поиски беззлойной, но виртуозной бранью.

— Принимай.

Из проема показался холщовый мешок. Коля жадно пожирал глазами извлекаемые из него иконы. «Доски» оказались действительно ветхими, но не по давности их написания, а от условий хранения. Все они, за исключением одной, оказались местного — кубанского — письма и в среде антикваров не пользовались высоким художественным авторитетом, и оттого стоили дешево. А вот та, одна... Прищурился, художник всмотрелся в заинтересовавшую его икону. Это была «Нечаянная радость», скорее всего, старинный список работы новгородской школы. Коля пару раз делал копии с репродукций этой «доски» и неплохо знал о ней. «А если это подлинник?» — художник искоса взглянул на Алексея.

Первые известные упоминания об иконе относятся к 1830-м годам, однако событие, давшее повод к ее написанию, произошло как минимум на столетие раньше и описано в книге «Руно Орошенное» святителя Димитрия Ростовского. Будто некий лихой человек вел грешную жизнь, но был, тем не менее, благоговейно привязан к Пречистой, ежедневно молясь на Ее икону. Однажды, собравшись «идти для греховного дела», он помолился и вдруг узрел, как у Младенца стали кровоточить язвы на руках, ногах и в боку, а глас Пречистой изрек: «Ты и прочие грешники вновь распинаете грехами своими Моего Сына. Вы называете Меня Милосердной, но зачем же оскорбляете Меня своими незаконными делами?» Потрясенный грешник умолил Пречи-

стую о заступничестве, в знак прощения облобызал язвы Спасителя и с того времени вернулся к честной и благочестивой жизни. Согласно этому преданию, на иконе «Нечаянная Радость» и пишется «человек некий беззаконный», молящийся на коленях пред образом Богородицы, под которым обычно начертаны первые слова самого повествования или же особая молитва.

Святыня хранилась в московском храме Илии Обыденного, ставшем прибежищем для многих икон из закрываемых и разрушаемых церквей.

Так попала сюда и чудотворная «Нечаянная Радость». Эта икона пребывала в Константино-Еленинской церкви, которая располагалась в Тайнинском саду Кремля и была разрушена в 1928 году. Оттуда она вместе со многими другими святынями первопрестольной окружным путем попала в Воскресенскую церковь в Сокольниках, тогда — один из центров обновленческой ереси. Когда же безбожная власть перестала поддерживать обновленцев, их движение распалось, и иконы из Сокольников начали возвращаться в уцелевшие православные храмы Москвы.

Николай щупал икону кончиками пальцев, подносил вплотную к глазам, нюхал изъеденное шашелем дерево. Краска на ней местами облупилась, но лик и руки Богородицы, к счастью, остались целыми.

Художник бережно положил «доску» на стол и, напустив на себя притворное равнодушие, спросил:

— Это все?

— Вроде все, — растерянный от столь очевидной холодности к его богатству, Алексей пожал плечами. — А, еще медная икона есть.

Он подошел к кровати и, нагнувшись, стал шарить в каких-то картонных коробках. Из одной из них вытащил пакет. Вернулся к столу и, развернув кулек, положил святыню на липкую клеенку.

— Вот это вещь! — не удержался Николай. — Складень...

Это была «Троеручица» — весьма интересный иконографический тип, появившийся в Византии в конце VIII столетия. Образ «Троеручицы» — это как «икона иконы», то есть изображение иконы Богородицы, к которой исцелившийся человек

привесил серебряное или золотое изображение болевшей руки. Церковное предание связывает появление образа «Троеручицы» с именем Иоанна Дамаскина, ученого монаха, богослова и гимнографа, занимавшего в VIII веке важное положение при дворе дамасского властителя. По указанию императора-иконоборца Константина Копронима Иоанну, написавшему несколько сочинений в защиту иконопочитания, была отсечена правая рука, которая впоследствии благополучно соединилась с телом. Иоанн Дамаскин привесил изображение руки к образу, перед которым молился об исцелении. Старообрядчество сохранило иное, по сути, апокрифическое повествование о происхождении этого образа. Третья рука появляется у Божией Матери, когда Она, несущая Младенца, видит ребенка, тонущего в реке, и спасает его, не выпуская из рук собственного Сына.

В медном литье «Троеручица» встречается редко. Это небольшие медные пластины с необычной декоративной рамкой. Таких икон в России, да и во всем мире, — считанные единицы.

— Как она к тебе попала? — прохрипел Николай, медленно опустившись на стул.

— Я ж тебе говорю, что от бабки осталась, — пожал плечами Лешка.

— Сколько? — выдавил из себя Николай.

— Сто пятьдесят тысяч! — рявкнул хозяин.

— Сколько?!

— Сто пятьдесят тысяч, — уже спокойным голосом повторил Алексей.

Таких денег у Коли отродясь не водилось, хотя он понимал, что за складень российские антиквары могут дать раз в десять больше. А уж иностранцы!.. Художник тяжело вздохнул: надо было что-то делать. У него в кармане на данный момент не было и тысячи.

— Сто сорок, — брякнул Николай, ибо молчание сейчас работало против него.

— Сто сорок пять, и basta! — хозяин ладонью ударил по столу. Ничем не прикрытая его ископаемость вдруг ошетибилась, стала циничной и дерзкой.

— Договорились, — подумав несколько секунд, сказал художник. — Только вместе с этой, — он кивнул на «Нечаянную радость».

– Договорились, – улыбнулся Леша.

– Вот теперь можно и обмыть сделку, – Коля, выглянув в окно, полез в карман за деньгами. – Где тут у вас винная лавка?

– Да какая тут лавка... – усмехнулся хозяин. – Давай деньги, я к Дмитриевне сбегая. Самогон пьешь?

– Пью все, что горит. Бери побольше, чтоб второй раз не идти.

Николай разлил самогон по стаканам.

– Понимаешь, Леша, особой ценности в них нет, – Коля подбородком указал на святыни. – Они не стоят и половины названной тобой суммы.

– А че ж тогда берешь? – хмыкнул хозяин. – Оставь, я кому-нибудь другому их продам.

– Я ведь коллекционер, – Коля поставил граняш на стол, – и если у тебя нет какой-нибудь вещи, то ее непременно хочется приобрести.

– Видел я твою коллекцию, – лицо Алексея скривилось в улыбке. – Деньги-то, кстати, когда отдашь?

– Да вот они, – Николай хлопнул ладонью по нагрудному карману. – Не веришь, что ли?

– Верю, – зевнул Лешка. – Наливай, че сидишь?

Коля поспешно наполнил стаканы. Хозяин пьянел на глазах и вскоре, опустив голову на руки, заснул прямо за столом. Николай тронул собутыльника за плечо, но тот, что-то промычав, не сдвинулся с места.

Коля пил давно и был отлично осведомлен о своей алкогольной мере – когда водка уже не улучшает состояние и возможность нормально мыслить, а стремительно их разрушает. Он завернул «Нечаянную радость» в газету, а складень сунул в лежащий на столе пакет. Опустил обе святыни в мешок и, еще раз взглянув на хозяина, двинулся к выходу. Остановился, взявшись за дверную ручку, вынул из кармана оставшиеся деньги и бросил их на стол.

* * *

День для Георгия Арутюновича Мовсисяна начался крайне неудачно. Утром перегорела лампочка в ванной комнате, а ближе к полудню стало известно, что у него буквально из-под носа увели этюд к

картине Малявина «Вихрь». Георгий Арутюнович – в среде антикваров и художников Жорик Ереванский – был коллекционером живописи. Этюд он заметил на даче у знакомого писателя и сразу понял, что перед ним подлинник, – по сочному пурпурно-алому колориту, по залихватскому водвороту цветастых – до рези в глазах – юбок, по-малявински дерзкой композиции.

Самой значительной чертой антиквара, наряду, конечно, с непомерным тщеславием, была удивительная интуиция на раритеты. С нездоровым упорством коллекционера Жорик обследовал почти все блошинные рынки и антикварные лавки не только России, но и Европы, выискивая картины неизвестных художников (благодаря способностям реставраторов они вскоре становились «неизвестными ранее» полотнами Гогена, Кандинского, Петрова-Водкина). Не обходил стороной Мовсисян старинный фарфор, литые и, конечно, иконы. Шел на различные, порой уголовно наказуемые ухищрения, чтобы благополучно миновать таможеню.

Собиратели – в большинстве своем братья по утробе, но не по духу и готовы за редкую марку, позеленевшую монетку, а то и за потертый спичечный коробок сжить конкурента со свету, причем в буквальном смысле. А уж за картину или икону – так и подавно!

Георгий Арутюнович был сердит на писателя Головащенко, обещавшего уступить этюд ему, но продавшего холст ненавистному конкуренту Осе Зильберману. Еще больше злился Жорик на реставратора Красовитова, который вынес вердикт о подлинности картины и разболтал об этом все тому же Зильберману. Выходит, эта тройца обвела его вокруг пальца! Хотя Георгий Арутюнович знал не понаслышке, что в среде антикваров есть люди – и не мало – готовые стянуть медяки с глаз покойника (особенно, если эти пятаки раритетные), но его самолюбие коллекционера было чрезвычайно ущемлено.

Чтобы привести себя в состояние физической и психической релаксации, Жорик решил воспользоваться испытанным и безотказным методом. Антиквар принял контрастный душ, облачился в

велюровый темно-лиловый халат, налил солидную рюмку «Камю» и, раскурив гаванскую сигару, уселся в глубокое кресло. Отхлебнув коньяку, хозяин обвел взглядом свое жилище. Интерьер его четырехкомнатной квартиры был приведен в тщательный галерейный порядок. Из вековой глубины потемневших холстов в Георгия Арутюновича вглядывались нагие обворожительные вакханки, непротиворечиво соседствующие с мускулистыми услужливыми сатирами. Шаловливые пастушки, соблазняя своих туповатых ухажеров, игриво обнажали белоснежные ножки. Смуглые монголы хищно шерились на оцепеневших от ужаса и безысходности юных пленниц. Как все-таки отчетлива связь между генотипом личности и жанром живописи, которому отдает предпочтение тот или иной коллекционер!

Георгий Арутюнович допил коньяк. Взгляд антиквара скользнул по картинам и остановился на «Олимпии» Эдуарда Мане. Естественно, копия, но как мастерски написана! Георгий Арутюнович затянулся сигарой. «Позвонить Оське, что ли? Надо все-таки разобраться с этюдом “Вихрь”».

Антиквар вздрогнул от звонка в дверь. «Кого еще нелегкая принесла? Наверное, Зильберман. Легок на помине. Оправдываться, видать, приехал...»

Георгий Арутюнович убрал бутылку под стол, сунул сигару в пепельницу и зашаркал в прихожую. Взглянул в глазок. Перед дверями стоял Николай, талантливый, но не в меру выпивающий художник. Поговаривали, что он уже совсем спился. «А этому чего надо?» — вздохнул Жорик, шелкая замками и задвижками.

— Здравствуй, Георгий Арутюнович.

— Привет, Коля, — хозяин протянул руку. — А я тебя только что вспоминал, — Мовсесян кивнул на «Олимпию». — Молодец! Здорово копию написал.

— Я по делу, — Николай, словно не услышал комплимента, чуть приподнял дорожную сумку.

— Ну коли так — проходи.

— Давненько у тебя не был, — гость нахмурил брови, задержав взгляд на «Олимпии». «Надо бросать пить — сейчас так не напишу».

— Зачем пожаловал, Коленька? — Жорик поста-

вил коньяк на стол. — Наливай, дорогой.

Николай полез в сумку и вынул из нее пакет. Взглянул на хозяина и вытряхнул на стол икону и складень.

— Ни фига себе! — Георгий Арутюнович привстал с кресла. — «Нечаянная радость» и «Троеручница!» — он поднял голову и взглянул на Николая. — Где взял?

Антиквар, не отрываясь, смотрел на иконы. Наклонялся к столу, брал одну из них в руки и скорым шагом подходил к окну. Тут же возвращался на середину комнаты, доставал из кармана лупу и что-то невнятно бормотал.

— Не бойся, Жорик, — подлинные, — Николай тяжело опустился на стул.

— Как иконы красивы! Но что за ними стоит? Ведь для нас, людей, существенно лишь то, что мы можем пощупать, продать, — Георгий Арутюнович, ослабившись, взглянул на Николая. — Или купить.

Художник наполнил рюмки.

— Нет, Коля, я не буду, пей сам, — хозяин положил «Нечаянную радость» на стол. — Слушай, а в них есть что-то от итальянского Ренессанса, не правда ли? Та же пластика, цвет, да и композиционная схожесть присутствует — Мадонна, Младенец...

— Ну, во-первых, Жорик, это в Ренессансе есть что-то от иконописи, а во-вторых, иконы Русской православной церкви, на мой взгляд, глубоко отличаются от живописи итальянского Возрождения даже религиозно: красота их не в земной миловидности, а в сверхземной духовности, — Николай поставил наполненную рюмку на стол. — Любуясь древнерусскими шедеврами, их, как правило, оценивают либо мерой искусства прошлого-позапрошлого столетий, либо — нашего времени. Оба критерия одинаково неверны.

— С этим я согласен, дорогой. А вот духовная значимость икон, думаю, несколько преувеличена — она вселяет в людей необоснованные иллюзии...

— Жорик, пожалуй, пора вернуться на землю. Лучше скажи внятно: что ты думаешь по этому поводу? — художник кивнул на иконы.

— Что я думаю? — антиквар сунул лупу в карман. — Если я тебе скажу, — он кончиками пальцев при-

коснулся к святыням, — что это именно то, чего мне не хватало в жизни, то, во-первых, ты мне не поверишь, а во-вторых, загнешь такую цену, что эти вещи у тебя не купит даже Абрамович.

— Абрамович может и не купит, а вот Ося Зильберман — думаю, таки да, — усмехнулся Николай.

Мовсесян потемнел лицом. «А этот мазурик не так уж и прост, как кажется на первый взгляд». Георгий Арутюнович взял из коробки сигару и принялся ходить по комнате.

— Коля, давай начистоту. Сколько ты хочешь за иконы? Я тебе даю пол лимона и ...

— И, как говорил мой духовный отец: от мертвого осла уши, — перебил его Николай и усмехнулся.

— Ну, уши от осла ты сам сможешь купить, а к пятистам тыщам я тебе добавлю еще... — Георгий Арутюнович взял гостя под руку и подвел к окну, — вот этот мерседес, — антиквар кивком головы указал на темно-вишневою легковушку, стоящую у забора. — Держи ключи, — он вытащил из кармана связку и сунул ее гостю в ладонь.

Коля молча смотрел на машину. Из хаоса бес-связных мыслей неожиданно выплыла одна-единственная, казалось бы, напрямую к событию не относящаяся. «Жизнь значительно проще, чем принято думать: вот и сбылась мечта идиота». Художник кончиком указательного пальца коснулся носа: не пьян ли? Нет, не пьян. «Правда, не черный... Но ничего, — улыбнулся Николай, — можно перекрасить».

— Молчание красноречивее всех слов человеческих, — Георгий Арутюнович похлопал гостя по плечу, — и, надо полагать, означает согласие. Так или нет, дорогой? Что ты молчишь, черт возьми?!

— Так, — кивнул Николай и, разжав кулак, посмотрел на ключи. — А деньги, Жорик?

— За деньгами придется ехать в банк, — нахмурился антиквар. — Не в моих правилах держать дома такие суммы.

Художник сунул иконы в пакет и тщательно уложил его на дно дорожной сумки.

— Не доверяешь? — хмыкнул Георгий Арутюнович. — Мы же сюда вернемся, Коленька.

— А зачем? — улыбнулся Николай. Пожалуй, он был доволен своей жизнью больше, чем когда-ли-

бо. — Получишь деньги в банке, сделаем небольшой ченчик, — художник потряс сумкой, — я сяду в свой автомобиль, и дальше — каждый своей дорогой.

— Как знаешь, дорогой, — нахмурился антиквар. — Я думал, сбрызнем сделку маленько.

— Завтра, Жорик, и обмоем, — ухмыльнулся Николай. — Когда я к тебе за доверенностью на мерседес приеду.

Навстречу машине бежали кружевные от бес-престанно идущего снега деревья. На улице было пустынно: ни автомобилей, ни людей. Какое-то время ехали молча.

— На честно заработанные деньги подлинник Шагала хочу купить, — художник достал из кармана сигареты. — Хотя бы эту...

— Шагала? Зачем он тебе, дорогой?

— Давно об этом мечтаю, Жорик, — Коля шелкнул зажигалкой. — «Парящие любовники» Шагала — это все мы, летящие в синем небе судьбы. И понимая, что обречены, все равно счастливы. Пронзительная тоска по желаемому, понимаешь?

— Человек — это животное, которое грезит, — антиквар снова взглянул на Николая. — Это я о Шагале, Коля, — уточнил Георгий Арутюнович. — Для меня, профессионала, он слишком прост. И композиция, и стиль, и техника письма. Да и цвета открыто-рейтузные. Сюжеты у него какие-то неправдоподобно добренькие.

— Да, Жорик, он был добр, потому что страдал, — Николай приоткрыл окно и стряхнул пепел. — А что касается стили, техники и цвета, ты рассуждаешь, как элементарный барыга. И вообще, если бы люди говорили только о тех вещах, в которых они разбираются, то вокруг бы стояла поразительная тишина.

— Это я не разбираюсь в живописи?! Ты думай, что говоришь! — вскричал антиквар.

— Возможно, живопись у Шагала до какой-то степени неестественна, но она так же неестественна, как и сама жизнь, — художник словно не заметил возмущения Георгия Арутюновича.

— Однако сродниться с успехом ему не удалось, Коля.

— У тебя одно мерило, Жорик, — есть ли у че-

ловека бабло или нету, — вздохнул Николай. — Эх, соблазнился золотым тельцом народ Израилев, — он бросил ироничный взгляд на попутчика. — Да, собственно, и остальные народы тоже.

— Коля, после смерти мамы и папы мне никто и никогда не говорил, что я должен стать лучше, чем я есть на самом деле. Жизнь наша, по большому счету, скоротечна, как дыхание на зеркале, — антиквар, жестикулируя, снова оторвал руки от руля, — и почему я должен ущемлять свои пристрастия и желания? Ответь мне, если...

— Жорик, люк!!!

Георгий Арутюнович резко повернул руль вправо, желая миновать открытый проем канализационного люка, но было поздно — машина, клюнув колесом в углубление, ударилась передком о дорогу. Сноп рыжих искр смешался со снежной круговертью. Мерседес, перевернувшись в воздухе, крышей упал на мокрый асфальт и заскользил по нему в сторону близлежащих ларьков. Однако, не добравшись до них, столкнулся со вставшим на пути деревом. Жалобно заскрежетал металл, отчаянно зазвенели бьющиеся стекла. И вдруг стало пронзительно тихо.

Николай открыл глаза. Рядом с ним, неуклюже уткнувшись лицом в растрескавшееся лобовое стекло, лежал Георгий Арутюнович. В темной от крови глазнице антиквара торчал осколок стекла. По щеке неспешно стекала алая струйка. Коля был запойным алкоголиком — приходилось видеть вещи и пострашнее, — но ему стало не по себе. Художник с трудом отвернул голову. Возле его лица, стремительно теряя интенсивность свечения, рдел окурок. «Бензин... Как сильно пахнет бензином». Николай попытался дотянуться до окурка, но руки, ни одна, ни друга, не хотели повиноваться. «Черт... Мы довольно легко думаем о смерти, как о чем-то неприятном, но неизбежном — как о похмелье после затянувшейся пьянки. Когда она, смерть, по нашему глубокому убеждению еще очень далеко. Но вот жадная старуха, не жалеющая ни бражника, ни барыгу, приблизилась вплотную». Коля перевел взгляд на свои руки. Они крепко сжимали дорожную сумку с иконами. «Господи, что я натворил! Все, что сейчас происходит, имеет отношение к

моей жизни и смерти, но за этим стоит нечто гораздо более важное, и связано это с предстоящим открытием подлинной правды, а она важнее самой жизни. В мире есть вещи, которые исправить невозможно, и платить за них все-таки приходится».

Полыхнуло что-то, и горячий ветер сильно подул. «Отец как-то в детстве затолкал меня в бане в парилку. Тогда было страшно, сейчас — нет. Там, где кончается улица, где сливаются небо и земля, собака воеет, подняв морду; там, в прокуренной однушке жил я. Пурпурное марево колышется надо мною, и жаркое солнце перемещает оранжевые пятна по свежавыпавшему снегу».

Звонящая, чуть подрагивающая темнота с розовыми мерцающими прожилками заполнила все пространство. Иногда одна из прожилок стремительно набухала и тут же беззвучно лопалась. В эту пурпурную трещину, как в водоворот, устремлялась острая, как ожог, боль. «Ожог? — Николай приоткрыл глаза. — Ожог. Жорик, машина, взрыв. Иконы».

Он почувствовал удивительное облегчение от того, что что-то потеряно и уже ничего не надо делать. Ни продавать, ни оправдываться, ни мучиться. Какая-то неведомая сила тянула его вверх. Красный гроб и вокруг несколько человек в черном. Свысока хорошо видно. Люди стоят, ссутулившись, но никто почему-то не плачет. Ниже, еще ниже. А в гробу кто? Да ведь это он — Николай! Еще ниже. Нет, слава Богу, ошибся... Но как похож! Впрочем, покойники все чем-то похожи друг на друга: молчат, сжав тонкие темные губы, словно боясь проговориться о чем-то сокровенном, известном только им. «Вот и я буду скоро посвящен в эту тайну. И все-таки: почему я здесь, в царстве мертвых? Боль уже мягкая, словно тебя случайно задел плечом близкий человек. Не исчезай, боль! Ведь ты — гимн жизни. Болит — значит, еще жив. Отзвуки музыки. А может, это реквием? И снова темнота». Секунда и вечность соединились.

Пастельно-голубой луч света, как на полотнах Тинторетто, вырвавшись из плена темных туч и прочертив небо, уперся в унылую рощицу за погостом. Слепило сиянием крестов кладбище. Из

яркого потока спустилась Она. Смотрела на него и молчала. Коля слышал от верующих людей, что облик Богородицы часто принимают бесы — недостойны, мол, грешники Ее лицезреть. Но нет — почувствовал Николай Любовь. Необъятную, светлую, материнскую.

Коля хотел спросить: «Почему мне? Гадкому, грешному?» И услышал: «Всю жизнь ты жил во грехе... И минутой раскаянья. Ей и спасешься. Милосердие Божье там, где нет зла. И прощаются тебе привычки, и страсти, если они не имеют основой зло, — она слегка двинула рукой. — Возвращайся, ты еще не готов, но помни молитву: «Слава Тебе, Господи, что не погубил Ты меня с беззаконием моим, а даровал еще продолжение жизни». Живой! Можно и пошутить: «Я теперь избранный?» — «Избранный? Избранный — это тот, кто понимает, что любой червяк, бабочка или травинка на краю дороги — такие же точно избранные, просто временно об этом не знают, и вести себя надо очень осторожно, чтобы не обидеть случайно кого-нибудь из них, — вздохнула. — А вы ближних своих обижаете... Господи, помилуй их грешных».

В незнакомой комнате холодно, темно и тревожно. На желтых стенах пляшут лохматые тени деревьев. По полу лениво скользят полосы света, пробивающиеся сквозь шель неплотно прикрытой двери. Николай вглядывается в зыбкое пятно, забравшееся в угол комнаты. «Где я? — Коля пытается ладонью прикоснуться к задеревеневшему лбу. Неудобно — руки в бинтах и окутаны какими-то трубочками, похоже, от капельницы. — Больница? Почему? — хмурится, пытаясь вспомнить. — Взрыв. Мертвый Жорик. А может, живой? Нет, конечно, мертвый... А я ведь тоже едва не умер, — закрывает глаза. — Смерть. Мы, скорее всего, никогда не встретимся со своей смертью. Пока мы есть — ее нет, когда она будет — не станет нас. Кто это, впрочем, знает? Однако говорят же, что думать о смерти полезно для долголетия. Над такими вопросами не задумываются. А если и задумываются, то ответа все равно не знают. Эх... А все-таки это неприятно — возвращаться к себе, к такому грешному и мерзкому. Стоп! — Коля пытается приподнять голову, но,

застонав от боли, опускается на подушку. — А сноп света с Богородицей!? Привиделось в бреду?» Но дрожат потрескавшиеся губы: «Слава Тебе, Господи, что не погубил Ты меня с беззаконием моим, а даровал еще продолжение жизни». Крестится Коля рукой забинтованной, с трудом пальцы в шепот собирает. И плачет. Качается капельница, вот-вот упадет. «Господи, прости меня грешного, — застывает вдруг рука, едва коснувшись пальцами вспотевшего лба. — Иконы! А где же иконы?»

Скрипнула, отворяясь, тихонечко дверь. Жизнеутверждающе шелкнул выключатель. Шелестя белым накрахмаленным халатом, в палату вошла, вернее, впорхнула девушка.

— Очнулись, наконец! — улыбнулась она.

«Господи, как хорошо жить!» — Николай потрянул головой, стряхивая с ресниц слезы.

Поползли однообразно-неприятные, похожие друг на друга, как уколы, больничные дни. Единственным пропуском в прежний, здоровый мир для Николая стало окно в палате.

— Больной, а к вам гости, — в палату зашла медсестра, — вернее, гостья. Входите, девушка.

Исчезали размытые контуры едва родившегося этюда, стремительно улетучивался запах растворителя и красок. Николай, нахмутив брови, нехотя отвернул голову от окна. Беглым взглядом окинул вошедших и застыл. Он давно рисовал в своем воображении идеальную модель женщины. Ту, которой в природе не существует. Ее глаза, нос, губы, брови находятся в единственно возможном месте, и казалось — смести их Создатель хоть на микрон: будет уже не то... В общем удачное соединение усилий Бога и ее родителей. Коля потрянул головой и снова посмотрел на гостью. Она!

— Ну я пошла, — медсестра шагнула к выходу. — Больной, не забывайте: через пятнадцать минут — укол.

Девушка оглянулась на закрывшуюся дверь и подошла к кровати. Поставила на пол сумку.

— Я, собственно, к вам по делу, — гостья обвела взглядом палату, словно перед кем-то хотела оправдаться о своем визите.

— Да вы присаживайтесь, — Николай указал рукой на стул.

— Я к вам по делу, — повторила гостья, несколько смущенная его взглядом. — Вот.

Она наклонилась и, приподняв дорожную сумку, потрясла ею перед Колиным лицом:

— Ваша?

У Николая вдруг надсадно, как после недельного запоя, заныло под сердцем. «Господи! Неужели иконы не сгорели в машине?! Скорее всего, сумку отшвырнуло взрывной волной вместе со мной». Он решил ни о чем не спрашивать и спросил:

— Как эта сумка попала к вам?

— Понимаете, я работаю, — девушка запнулась, — вернее, подрабатываю дворником, а вообще — я студентка. В то утро я расчищала от снега дорожку и увидела, что из сугроба торчит что-то темное, — было заметно, что незнакомка волнуется. — Ну я ткнула лопатой и... Потом расстегнула сумку и увидела в ней иконы, — девушка кивнула на находку.

— А как узнали, что иконы, — Николай замялся, — мои?

— Так паспорт... В сумке лежал ваш паспорт.

«Паспорт? А как он туда попал? — Коля наморщил лоб. — Скорее всего, бросил в сумку, когда собирался к Жорику, зная его манеру не рассчитываться наличкой. Видимо, пришлось бы идти в банк...»

— Я пошла по адресу, указанному в паспорте, а соседи сказали, что вы... — гостья ткнула рукой в стенку, — в больнице.

«Ну вот. Теперь иконы можно продать Осе Зильберману... — Николай ладонью шлепнул себя по лбу. — Боже, что же я творю!? Скажи помыслу своему: я умер и лежу в гробу. Почему у людей вроде меня такие большие заботы о жизни временной, нежели о предстоящей вечности, как будто ее и нет вовсе? Ведь предупредило Небо один раз!»

— Что с вами?

— Нет, ничего, — улыбнулся художник. — Как вас зовут?

— Света.

— Света. Светлое имя, — Николай протянул руку. — А меня Коля. Вам говорили, что вы красивы?

— Не помню, — девушка пожала плечами. — Кажется, говорили.

— Так вам ввали. Вы не красивы... Вы, Света, очаровательны!

* * *

Из-за деревьев, доверчиво прислонившихся к маленькой церквушке, послышался колокольный звон. Торжественно-протяжный благовест, несущийся из дождливого полумрака сентября, звонко и радостно разнесся над слякотными улицами, над киноварью черепичных крыш низеньких домишек, над агрессивным стандартом белеющих вдали многоэтажек, над темными конусами тополей и уплывал ввысь медленно и степенно, словно с неохотой покидая землю. К воротам храма подошли девушка и двое мужчин, держащие за ручки большую дорожную сумку.

— Лешка, есть закурить? — спросил один из них.

— Коленька, в церкви не курят, — улыбнулась девушка.

— Ты, как всегда, права, Света, — Коля задорно потрянул головой. — Пошли, ребята. ■